

село Боровское съ церковью, построенной, говорятъ, Рыльскимъ, удѣльнымъ княземъ Васи́лемъ Шемякой. Въ Путивлѣ живутъ воспоминанія о пребываніи Самозванца въ этомъ городѣ; въ Молченскомъ монастырѣ съ его именемъ связано нѣсколько предметовъ древности: кресло, икона и друг. Въ 9 верстахъ отъ Рыльска мѣстность называется «Проходы» отъ того, что тамъ проходилъ Самозванецъ по дорогѣ изъ Рыльска на Коренное. Въ Коренномъ онъ стоялъ лагеремъ; тамъ-же происходило сраженіе его съ московскимъ войскомъ.

Въ Щигровскомъ у. я слышалъ глухія воспоминанія о Кудеярѣ — разбойникѣ, о татарскомъ полководцѣ Муравѣ, проложившемъ Муравскую дорогу, и разбитомъ русскимъ войскомъ у с. Красной Поляны (см. мои Экскурсы въ область др. рукоп. и старопечатн. изданій. Харьковъ. 1902 г.), о Стенькѣ-Разинѣ, — сказанія о маленькихъ богатыряхъ, «асылкахъ», скрывающихся до семилѣтняго возраста свои силы, а потомъ уѣзжающихъ на границы русской земли для обереганія ея отъ змѣевъ и борьбы со змѣями. Множество мелкихъ, но цѣнныхъ историко-бытовыхъ чертъ разсѣяно въ лирическихъ пѣсняхъ — хороводныхъ, свадебныхъ и обрядовыхъ. Многія пѣсни по содержанію распадаются на двѣ части: запѣвъ и самое содержаніе. Запѣвъ часто представляетъ символъ содержанія пѣсни: онъ изображаетъ какое-либо явленіе природы, сравниваемое съ явленіемъ жизни человека. Иногда запѣвъ отличается широкимъ взмахомъ фантазіи и сообщаетъ всей пѣснѣ большое художественное достоинство. Для символики русской пѣсни особенно интересны свадебныя пѣсни, записанныя мной въ Путивльскомъ у. Всѣ же пѣсни интересны и вообще для вопроса объ отношеніи пѣсни къ реальной дѣйствительности, игрѣ, какъ символикѣ этой послѣдней, ритуалу обрядовому, и для связаннаго съ этимъ вопроса о синкретизмѣ первобытной поэзіи (ср. ак. Веселовскій, Три главы изъ истор. поэтики. Спб. 1889). Наиболѣе красивыя мелодіи пѣсенъ я слышалъ въ Будановкѣ Курскаго у., с. Заломномъ Суджанскаго и Козинѣ Путивльскаго. Напѣвы пѣсенъ не всегда стоятъ въ тѣсной